

УДК 821.161.1

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-34

ГСНТИ 16.21.51; 10.01.01

Код ВАК 10.02.19

О. С. Ильина О. S. Ilyina

Санкт-Петербург, Россия Saint-Petersburg, Russia

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
В АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ
ПОЛЕ «СТУДЕНТ»****(на материале произведений
русских писателей XX века)****THE IDEOLOGICAL COMPONENT
IN THE ASSOCIATIVE AND SEMANTIC FIELD
«STUDENT»****(based on the fiction texts
of Russian writers of XX century)**

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования содержательных элементов ассоциативно-семантического поля «студент» (слов, словосочетаний, лексико-тематических групп) на материале произведений русских писателей XX в., описывающих советское студенчество. Выявляются идеологически мотивированные составляющие в рамках поля.

Ключевые слова: концепт; ассоциативно-семантическое поле; текстовая лексико-тематическая группа; советский дискурс; советская идеология; идеологема.

Сведения об авторе: Ильина Оксана Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, филологический факультет.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Контактная информация: 91000, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, 52.
e-mail: lucky-today@yandex.ru.

Abstract. The paper is devoted to the study of functional peculiarities of the meaningful elements of the associative and semantic field "Student" (words, word collocations, thematic groups). The research is based on the XXth century Russian fiction texts describing Soviet student community. Ideologically motivated components are identified within the field.

Key words: concept; associative and semantic field; textual thematic group; Soviet discourse; Soviet ideology; ideologeme.

About the author: Ilyina Oksana Sergeevna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language, Philological Faculty.

Place of employment: Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Gertsen (Saint-Petersburg).

Существенные преобразования в социальной, политической, экономической жизни России в начале XX в. естественным образом привели к трансформациям в языковой картине мира. В советскую эпоху не только идеологически значимые пласты лексики, слова с идеологически отмеченными денотатами (*идеология, коммунизм, партия, пропаганда, агитация, пролетариат, буржуазия, диктатура* и мн. др.), но и базовые концепты культуры были подвержены смысловым изменениям (в качестве примера можно привести убедительные результаты исследования динамики концептуального пространства «мужчина — женщина» в русском языке [Ефремов 2009]).

Принципиальное изменение шкалы общественных ценностей и идеалов отразилось на содержательном наполнении общественно и культурно значимого концепта «студент», вербализатором которого выступает в языке одноименное ассоциативно-семантическое поле. Динамические процессы, произошедшие в советское время в рамках данного фрагмента лексики, особенно выразительно отражены в художественных текстах. Целью статьи является описание особенностей функционирования содержательных элементов ассоциативно-семантического поля «студент» (слов, словосочета-

ний, лексико-тематических групп) и выявление идеологически мотивированных составляющих в рамках названной лексической парадигмы на материале произведений русских писателей XX в., описывающих советское студенчество. Среди этих художественных произведений выделяются следующие: «Факультет чудаков» Г. Гора (1931), «Студенты» Ю. Трифонова (1950), «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа (1957), «Коллеги» В. Аксенова (1959) и «Дети Арбата» (книга первая) А. Рыбакова (1966—1983).

С одной стороны, структура ассоциативно-семантического поля «студент», исследованная на материале отмеченных художественных произведений, демонстрирует относительную устойчивость основных содержательных элементов поля. Во всех текстах в рамках ассоциативно-семантического поля выделяются стабильные предсказуемые элементы, связанные с наиболее устойчивыми в русском языковом сознании и культуре представлениями о студенчестве и студенческой жизни и являющиеся важными составляющими языковой картины мира, — текстовые лексико-тематические группы «высшие учебные заведения» (*вуз, институт, университет*), «устройство вуза» (*факультет, деканат, кафедра, аудитория* и др.), «структурные компоненты организации вуза»

(курс, группа), «содержательные компоненты обучения студентов в вузе» (дисциплина, лекция, семинар, сессия, экзамен, зачет и др.), «субъекты преподавания в вузе» (ректор, декан, преподаватель, профессор, лектор и др.), «изучаемые/преподаваемые дисциплины», «средства обучения студентов в вузе» (книга, учебник, методичка и др.), «деятельность студента» (учиться, заниматься, читать, слушать (лекции), сдавать (зачет, экзамен) и др.). Наполнение отмеченных лексических группировок варьируется, развивается в зависимости от сюжетных особенностей произведения.

С другой стороны, созданные в условиях конкретного исторического дискурса и испытывавшие на себе влияние советской идеологии, анализируемые тексты аккумулировали в своем содержании множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи, что, безусловно, отразилось в организации и содержательном наполнении исследуемого ассоциативно-семантического поля. В его составе появляются не предусмотренные общим тезаурусом сопряженные с реалиями описываемого времени динамичные элементы — текстовые лексико-тематические группы, которые представлены в том числе идеологемами советской эпохи: «комсомол» (комсомол, комсомольская организация, комсомольская ячейка, комсомолец, комсомолка, общественник, активист, комсомольская линия, комсомольское поручение, комсомольский суд, комсомольский и профсоюзный билет, комсомольский значок, комсомольский актив, комсорг группы, бюро комсомольской организации, профсоюз, коммунистическая партия, партиец, коммуна и мн. др.), «демонстрация» (институтская колонна, факультетское знамя, знамена, транспаранты, портреты, Сталин, Красная площадь, Мавзолей и др.), «распределение» (комиссия по распределению, распределять, направить, направление (по направлению), назначение (получить назначение), рекомендации, работать, работа и др.).

Ядерную зону ассоциативно-семантического поля «студент» в рассмотренных произведениях формируют слова и словосочетания *советский студент, советское студенчество, передовая молодежь, пролетарский студент, комсомолец, активист, общественник, партиец, будущий советский специалист*. В пространстве текстов данные лексические единицы используются активно (причем зачастую с исключительно положительной модальностью), отражают ценностные ориентиры советского общества, что свидетельствует о приобретении ими

статуса идеологем.

Статус *советского студента* (и, шире, *советского человека*) предполагал наличие благородства, порядочности, справедливости. В романе «Дело, которому ты служишь» профессор хирургии Богословский так наставлял молодого специалиста Владимира Устименко: *Наша и ваша задача, разумеется, трудна, но почетна. Советский — и порядочный, советский — и добрый, советский — и участливый, советский — и справедливый, советский — и бескорыстный — все это через посредство нашего труда здесь должно стать синонимами...* [Герман].

По мнению Г. Ч. Гусейнова, идеологемы отсылают «участников коммуникации к сфере должного правильного мышления и безупречного поведения» и предостерегают от недозволенных поступков и неверных мыслей [Гусейнов 2003: 13]. На материале анализируемых текстов устойчиво выделяются **положительные** качества *советского студента*, заданные и пропагандируемые самой эпохой (*заинтересованность в общественной работе (общественник, активист), политическая зрелость/политическая грамотность, партийная этика, исполнительность, ответственность, трудолюбие, дисциплина*), и **отрицательные** качества, осуждаемые в советское время (*оторванность от коллектива, аполитичность, моральная нечистоплотность, карьеризм, эгоизм*). В организации ассоциативно-семантического поля «студент» ведущую роль играют идеологически мотивированные оппозиции: *комсомолец — беспартийный студент; общественник — карьерист, индивидуалист; активист — приспособленец; политически грамотный студент — политически безграмотный, аполитичный студент*. В этих категориях, по сути, осмысливается оппозиция «свой — чужой» (здесь она выражена различными языковыми формами), являющаяся культурной константой.

Так, в повести Г. Гора «Факультет чудиков», изображающей существенную перестройку в сфере образования, которой были отмечены первые послереволюционные годы, студенты строго разделяются на «два лагеря»: *пролетарских, партийных студентов, комсомольцев и беспартийных студентов, монархистов*, от которых «за версту несет старым режимом». Приведем показательный в этом отношении фрагмент: *Актовый зал походил на Государственную Думу: высокий потолок подпирали белые полированные колонны, широкий проход разделял два ряда кресел, на правой стороне сидели*

студенты, блесевшие медными пуговицами; на левой — студенты, внешним видом своим не отличавшиеся от прочих граждан республики [Гор 2004: 25]. Здесь явно обнаруживается классовое противостояние «двух лагерей», определяющее всё, в том числе жизнь студенчества в первые годы советской власти.

Отмеченное противостояние выражается также в тех характеристиках, которые дают друг другу сторонники этих «лагерей». Так, «столбовой дворянин» Крапивин называет пролетарских студентов «сбродом», «шпаной» (слова с ярко выраженной негативной окраской). На стенах уборной он оставил надпись явно контрреволюционного содержания: *Что есть современное студенчество? <...> Современное студенчество есть кал, плавающий на поверхности науки (слово кал он заменил на более неприличное)* [Там же: 39]. Студент, напоминавший Керенского (характеристика неслучайна и высвечивает антисоветскую настроенность учащегося), утверждал на очередном собрании: *Беспартийному студенчеству нет времени для так называемой общественной работы. Мы пришли изучать науку* [Там же: 25]. Если комсомольцы занимались преимущественно общественной работой, то беспартийные студенты — академической деятельностью. Наконец, Лузин, комиссар университета, открыто заявляет с трибуны, что беспартийные студенты — это *наш классовый враг*.

В связи с отмеченной оппозицией в «Факультете чудаков» актуализируется идеология *чистки*. Беспартийных, неуспевающих студентов, лиц, отказавшихся от общественной работы, а также тех, чьи родственники были дворянами или активными контрреволюционерами, исключали из университета, выгоняли из общежития. Лузин так объяснял свою позицию *вычищенным студентам: Аудитории университета предназначены для пролетарского студенчества. Для вас же, если вы не желаете работать с нами, предназначена Западная Европа* [Там же: 26]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, представляющем свод идеологием советской эпохи, слово *чистки* иллюстрируется фрагментом «Политического отчета Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)»: «„Партия организовала, далее, широкую кампанию за борьбу против бюрократизма, дав лозунг проведения чистки партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов“. Сталин». Молодые люди, которых подвергали чистке, существенно отличались по полити-

ческим и идейным взглядам от пролетарской молодежи, воспринимались как «враждебные элементы». Поэтому процедура «очистки» осознавалась как необходимая, «нравственно полезная», «содействующая оздоровлению общества» [Ромашов 1995: 73]. Чрезвычайно интересный материал, касающийся проводимой «очищающей» классовой политики в советских школах и вузах (исторические комментарии, информационные сводки, статистические данные), представлен в книге А. Ю. Рожкова «В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 20-х годов» [Рожков 2002].

Во всех рассмотренных произведениях получает развитие мысль о том, что общественные интересы и связанные с ними общественные поручения всегда должны стоять выше личностных устремлений студентов-комсомольцев. В «Факультете чудаков» Г. Гор на примере студента Лузина показывает, что выбор между общественной деятельностью и академической работой в пользу последней приводит к осуждению со стороны коллектива: комсомолка Зоя называет своего однокурсника «дезертиром». Вот что говорит Лузин ректору университета о своем выборе (важный штрих, демонстрирующий принципиально новую иерархию отношений в послереволюционном вузе: студент Лузин и ректор университета — старые приятели, обращающиеся друг к другу на «ты»): *Передо мной открылся прекрасный мир: книги. Разумеется, я читал и раньше. И помногу. Но главным образом беллетристику, политическую литературу. Но никогда я не думал, что книги, что наука, такая наука, как биология... Ты улыбаешься... Сентиментальный секретарь, думаешь ты, восторженный, как первокурсник. Ты меня извини. По всей вероятности тебе это знакомо. Наука открылась для меня удивительная, как революция* [Гор 2004: 61]. Этот эпизод противоречит традиционному советскому дискурсу.

Предельно идеологизированный образ *советского студента* представлен в первой повести Ю. Трифонова — «Студенты», созданной в послевоенные годы. В феврале 1951 г. «Новый мир» опубликовал отчет об обсуждении этого произведения в Московском пединституте, в ходе которого большинство выступающих констатировали, что это «лучшее произведение о советском студенчестве». Повесть Ю. Трифонова была удостоена Сталинской премии и оказалась чрезвычайно своевременной: после войны важно было возродить в молодежи стремление к знаниям, желание получить профес-

сиональное образование.

Ю. Трифонов изображает идеальный путь положительного героя: сначала приобщение к рабочему классу, потом фронт и только потом — вуз. Один из главных персонажей повести, Вадим Белов, после школы *поступил на чугунолитейный завод на окраине Ташкента, затем в мае сорок третьего Вадима приняли в военное училище, готовившее стрелков-радиотов*, потом он в составе новой, только что сформированной части отправился на Второй Украинский — танковым стрелком-радиостом, и только после демобилизации в сорок шестом... он поехал в Москву с твердым, окончательно сложившимся намерением посвятить свою жизнь учительству [Трифонов]. Студенты, показанные Ю. Трифоновым, — молодые люди, уже имеющие за плечами опыт работы, пережившие войну. Не случайно в институте условно и негласно выделялось две группы молодежи: *фронтовики* (слово с исключительно положительной коннотацией) и *зеленая молодежь, вчерашние десятикласники*.

Автор вовлекает читателя в систему социально одобряемой деятельности студентов. Студенты литературного факультета педагогического института — люди *читающие, мыслящие*. Они увлечены учебой: посещают занятия, коллективно готовятся к сессии, сдают зачеты и экзамены, успешно проходят практику в школе, принимают активное участие в студенческом научном обществе (НСО), пишут рефераты (в произведении Ю. Трифонова под *рефератом* подразумевается не столько изложение содержания прочитанных книг, статей, сколько некое самостоятельное исследование, научная работа), что требует усидчивости, трудолюбия, начитанности. Темы рефератов, которые писали студенты, абсолютно традиционны для изображаемого времени, в известном смысле идеологизированны: Сергей Палавин сначала хотел писать реферат о Гейне («Гейне и фашизм»), но потом изменил тему и стал писать о драматургии Тургенева, Андрей Сырых писал о Горьком («Жизнь Климса Самгина»), Палавин — о Чернышевском.

Студентам свойственен энтузиазм в общественной работе. Все они *комсомольцы*. Их жизнь и интересы не ограничиваются учебой. Важным для них был вопрос, который всплывает в воспоминаниях Андрея Сырых об отце: *Ну, молодежь, что сделано для эпохи?* Студенческая жизнь, в духе послевоенного времени, была связана с заводской: институт решил взять шефство над заводом, и студенты организовали *литера-*

турный кружок для заводской молодежи. Устраниться от общественной работы значило посрамить свой комсомольский облик.

Поведение героев «Студентов» оценивается с точки зрения идеологии того времени: нагрубил профессору — получил выговор; избежал общественной работы, оторвался от коллектива, повел себя безнравственно — получил выговор с предупреждением (и это еще «мягкое» решение).

Главный конфликт повести Ю. Трифонова — травля институтским коллективом «профессора-космополита» Бориса Матвеевича Козельского, требовательного преподавателя, отличавшегося *колоссальной памятью и многознанием*, наделенного рядом клишированных черт отрицательного персонажа, — во многом перекликается с процедурой *чисток* в «Факультете чудаков» Г. Гора. Отметим, что данный сюжетный ход — разоблачение враждебного, «идеологически чуждого элемента» среди студентов и преподавателей — является весьма традиционным для произведений советской эпохи. На комсомольском собрании Козельскому предъявлялись обвинения в *формализме, низкопоклонстве*, его лекции признавались *безыдейными* и даже *немарксистскими*. Приведем фрагмент выступления студента: *Никто ничего худого не скажет о Кречетове, о нашем лингвисте, о других профессорах, а о Козельском говорим! Да, убого, по мертвой схеме читает он лекции. Из года в год повторяет одни и те же слова, вот уж двадцать, наверное, лет подряд. <...> Слова эти не выходят из замкнутого круга рассуждений о форме и биографических комментариев. А те, кто занимается в НСО, знают, что Козельский и в обществе не может интересно поставить работу. Избегает острых проблем, споров, а советская литература у него и вовсе в загоне: это, дескать, не научный материал, не дает, мол, „фактических знаний“. Да ведь все это... ну конечно, это же формализм чистой воды! Да, да, мы обвиняем Козельского в формализме! Я предлагаю поставить перед деканатом вопрос о методе преподавания профессора Козельского. И мы докажем свою точку зрения на ученом совете, с конспектами его лекций в руках [Там же].* Как отмечает критик Н. Б. Иванова, подобные обвинения, предъявленные идеологически неправовому Козельскому, типичны для того времени [Иванова 1984].

Ситуация разоблачения идеологического «врага» актуализируется и в повести В. Аксенова «Коллеги». На комсомольском собрании разбирают дело недавно окончившего

институт молодого врача Пети Столбова, которого обвиняют в злоупотреблении служебным положением и взяточничестве: *Встал представитель партийного бюро доктор Дампфер. <...> — Товарищи, — начал он, — вы разбирали сейчас дело комсомольца Столбова с пристрастием и принципиальностью. Вы выясняли детали, но не подумали, что не это главное. Детали — это дело ОБХСС. Важно другое: как дошел до такой жизни комсомолец, молодой специалист? Что же, он вдруг сразу испортился в нашем учреждении? <...> ...Я смотрел бумаги Столбова, различные его характеристики, и передо мной предстала образ идеального героя современности: „Скромен, инициативен, чуток, политически грамотен“. В комсомоле он со второго курса института. Хотелось бы мне побывать на заседании комитета, где его принимали в организацию, услышать, о чем с ним говорили, какие вопросы ему задавали. <...> Стоило человеку вызубрить устав, как перед ним открылись двери в организацию Коммунистического союза молодежи. И никого не заинтересовали тогда его подлинные чувства и мысли, его сокровенные взгляды на жизнь. Я не хочу навязывать вам решения сейчас. Я хочу призвать вас к искренности в ваших комсомольских делах [Аксенов].*

Своего рода «обнаруженным врагом» оказывается и студент четвертого курса транспортного института Саша Панкратов, герой романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Одним из главных сюжетных событий первой книги трилогии является его исключение из института и комсомола (ср. чистки у Г. Гора). Панкратову был предъявлен «клубок» обвинений: *вылазка против марксизма в науке об учете (открыто проповедует аполитичность науки), опошление ударничества в эпиграммах стенной газеты, соглашательство с «оппозиционером» Криво ручко. Со стороны актива партийного бюро обвинения формулировались иначе: политическая диверсия, антипартийное выступление, злопыхательство [Рыбаков 2004].* Бурная сцена обсуждения морального облика героя происходит на достаточно мощном звуковом фоне. Средства его создания разнообразны, но особенно важны глаголы, относящиеся к выступающим (*выкрикнул, крикнул, перебил*), а также глаголы, характеризующие молодежную реакцию на реплики говорящих (*в зале засмеялись, все засмеялись, крикнули из зала, закричали из зала, крикнул кто-то, раздался голос*). Глагол молчать (в тексте: *Руночкин молчал*), демонстрирующий отказ от говорения, высту-

пает средством маскировки информации, ее утаивания, служит для передачи психологического климата описываемой эпохи — вынужденного молчания. Итогом разбирательств по делу Панкратова явился арест и последующая ссылка героя. Такой сюжетный поворот способствует появлению в составе ассоциативно-семантического поля «студент» слов *обыск, арест, арестованный, заключенный, тюрьма (Бутырская тюрьма), камера, дело, допрос, обвинение, следствие, приговор, осужденный, контрреволюционер, враг (вредитель), ссылка, поселенец*. То, что произошло с Сашей Панкратовым, — это не сюжетные находки А. Рыбакова, а, по словам Даниила Гранина, «правда недавнего времени, которая еще болит и ноет в душе каждого человека» [«Дети Арбата»: прошлое и современность 1988: 8].

В романе «Дети Арбата» также запечатлены и другие характерные черты советского времени и студенческой жизни, в частности участие молодых людей в *субботниках и демонстрациях*. Субботники рассматривались как одно из средств коммунистического воспитания молодых людей. Участие в субботниках и демонстрациях было мерилом общественной активности человека. К немногочисленным уклонившимся могли применяться меры общественного порицания или даже административного воздействия.

Как видим, идеологическая составляющая студенческой жизни в рассматриваемых художественных произведениях приобретает особую значимость, выдвигается на первый план. Это отражается и в литературных предпочтениях студентов. С одной стороны, их интересы в области литературы зависят от места обучения, т. е. диктуются сюжетом произведения (например, герои Ю. Трифонова читают в основном художественную литературу, герои Ю. Германа увлечены книгами по медицине). С другой стороны, круг чтения обусловлен описываемой эпохой, характеризует время. Персонажи «Факкультета чудаков» читают *Троцкого («Литература и революция»), Плеханова (марксистская критика), Эренбурга*, из периодических изданий — *«Правду», «Огонек»*. Заголовки в газете «Правда» несут на себе отпечаток своего времени: *«Ультиматум лорда Керзона», «Обнаглевшая буржуазия бросила вызов трудящимся»*. В другом издании заголовки отражают принципиально иную позицию, компрометируют советскую власть: *«Большевики — враги свободы и русского народа», «Ленин — родственник генерала Людендорфа по женской линии...», «Коммунисты, которые заодно с помещиками»*. В повести Ю. Трифонова студенты увлека-

ются произведениями *Федина, Исаковского, Новикова-Прибоя*. В «Деле, которому ты служишь» интересен эпизод, когда Владимир Устименко и Варя с упоением и восхищением читают один из образцовых идеологических текстов — «Исповедь» Карла Маркса: ...Они сели читать шутиливую исповедь Карла Маркса. <...> — Ваше представление о счастье, Степанова Варвара? — Сильная, навечно взаимная любовь! — покраснев, но бойко и громко ответила Варя. — Садитесь, неудовлетворительно. Она попыталась заглянуть в книгу, он ее оттолкнул. — Знаешь, ничего особенно шутиливого я здесь не нахожу, — сказал Володя. — Просто, наверное, **ханжам это не по вкусу, вот они и объявили исповедь шуткой**. Вдумайся, если твои умственные способности тебе позволяют... <...> — Достоинство, которое вы больше всего цените в людях? — спрашивал Володя и отвечал: — Простота! В мужчине? Сила. В женщине? Слабость! <...> И вдруг Володя ахнул. — Ты вдумайся! <...> Вопрос: ваша отличительная черта? Ответ: **единство цели**. — Колоссально! — произнесла Варвара. — Грандиозно, а не колоссально. Теперь: ваше представление о счастье — **борьба!** Борьба, понимаешь, Варюха, борьба, вот оно в чем счастье. Теперь: ваше представление о несчастье — **подчинение**... <...> — „Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение?“ **Угодничество**. Ваши любимые поэты? Шекспир, Эсхил, Гете. Ваш любимый цвет? **Красный**. Ваше любимое изречение? **Ничто человеческое мне не чуждо**. Ваш любимый девиз? **Подвергай все сомнению**... [Герман].

Таким образом, художественные произведения XX в., раскрывающие тему студенчества, дают богатый материал для осмысления того, каким образом социокультурные процессы, произошедшие в советскую эпоху,

отразились на организации ассоциативно-семантического поля «студент». Проведенное исследование создает базу для анализа тех процессов, которые характерны для структуры поля и его функционирования в постсоветское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов В. П.* Коллеги // Либрусек : электронная б-ка. URL: <http://lib.rus.ec/b/307492/read#t1> (дата обращения: 13.11.2012).
2. *Герман Ю. П.* Дело, которому ты служишь // Грамотей : электронная б-ка. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=992759620 (дата обращения: 12.11.2012).
3. *Гор Г. С.* Факультет чудачков // Факультет чудачков : сб. — СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2004. С. 15—85.
4. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2003.
5. «Дети Арбата»: прошлое и современность // Дети Арбата / А. Н. Рыбаков. — М. : Кн. палата, 1988. С. 5—18.
6. *Ефремов В. А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
7. *Иванова Н. Б.* Проза Юрия Трифонова. — М. : Советский писатель, 1984.
8. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939.
9. *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 20-х годов : в 2 т. — Краснодар : Перспективы образования, 2002.
10. *Ромашов Н. Н.* Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1995.
11. *Рыбаков А. Н.* Дети Арбата : в 3 кн. Кн. 1. Дети Арбата. — СПб. : Амфора, 2004.
12. *Трифонов Ю. В.* Студенты // RoyalLib.ru : электронная б-ка. URL: http://royallib.ru/read/trifonov_yuriy/studenti.html#0 (дата обращения: 12.11.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Д. Черняк